

НА УКРАИНЕ, У ДИКОГО ПОЛЯ

(Отрывки из повести Вячеслава КОЛЕСНИКА.
Окончание. Начало в № 10, 11, 12 за 2019 год)

15. ФЕТИСКА

Через два дня из крепости в сторону степи выехал разъездной отряд станичников – пять ездоков с атаманом, с ними несколько лошадей. По просьбе Авдея взяли с собой и его. Выехали за полночь, чтобы до восхода солнца быть в условленном месте, у каменного истукана.

И вот, когда над этой безлюдной ширью начал слегка заниматься рассвет, показались вдаль два всадника.

– Похоже, что они, – определил атаман. Тихо добавил: – никому не высовываться. Пущай подъедут к камню.

Чем ближе подъезжали всадники, тем явственнее было видно, что это два татарина. Один точно был тот, которого отпустил воевода, – он был вооружён саблей и луком, к седлу приторочен аркан. Другой же был без оружия, в старом рваном халате, перехваченном линиялым кушаком, с войлочным колпаком на голове – вроде бы и на татарина похож, и в то же время, это было заметно даже издали, движения его явно не напоминали татарские...

– Фетиска! – вдруг не выдержав, начал подниматься Авдей. – Сынок!

Один из всадников соскочил с лошади на землю, широко раскрытыми глазами посмотрел на крикнувшего. Авдей хотел было кинуться к сыну, но от волнения ноги его не могли сдвинуться с места.

– Сынок!.. – Авдей медленно пошёл навстречу. Пошёл навстречу отцу и сын. Однако, сделав несколько шагов, остановился. Он не мог идти дальше, так как был привязан крепкой верёвкой к седлу татарина. Татарин потянул верёвку на себя, что-то выкрикнул, показывая на лошадей...

– Сейчас расплатимся! – пошёл к нему атаман. – Слазы!

Авдей и Фетиска в это время, оба плача, уже обнимались...

В слободе Домница с Анюткой с нетерпением ждали встречи с Фетиской. Однако Авдей с Гаврилкой возвратились без него. На взволнованные вопросы ответили:

– Оставили нашего Фетиску пока в крепости. Допрос ему там учиняют в приказной избе.

– Какой ещё допрос? – со слезами на глазах недоумевала Домница. – Нешто он разбойник или душегуб?

Авдей успокаивал жену:

– Так положено. Столько годов жил среди татар – найдётся об чём спросить.

– А он хоть говорить по-нашенски не разучился? – спросила Анютка.

– Маленько разучился, – вздохнул Авдей. Помолчав, добавил тихо: – про вас всё спрашивал.

Повидаться с матерью и сестрой Фетиске разрешили, но недолго, сам же он вскоре был отправлен в Белгород.

– Там, – сказал воевода Авдею, – сидят люди поумнее нас, им и решать, что с вашим парнем делать дальше. Сам понимаешь: будучи в полоне, он веру чужую принял, а это не шуточки.

В Белгороде же, вопреки родительским опасениям, с Фетиской долго возиться не стали. Дали греху его должную оценку: дескать, запугали татары пленного мальчонку, куда ему было деваться? И определили так: для начала пускай он побудет

полгода трудником при монастыре, а в дальнейшем – хоть в монахи пусть идёт, хоть в стрельцы или пушкари с отцом и братом землю Русскую защищать.

16. В МОНАСТЫРЕ

Церковь прощает заблудших своих чад, верит их раскаяниям.

Фетиска в грехе своём покался. При этом неискренности в словах юноши настоятель монастыря, человек пронзительный, не усмотрел.

– Я всё время думал о доме, – говорил Фетиска на исповеди. – Несколько раз даже хотел убежать, но останавливался. В какой стороне находится Московская земля, я знал, а далеко ли, близко ли она, о том не ведал. И когда Габит сказал мне, что край земли Русской совсем недалеко от шатра Надир-мурзы, сердце моё чуть не выскочило из груди...

Настоятель слушал, кивал головой:

– Выговорись, дитя моё, выговорись.

И Фетиска всё говорил, говорил о своих мытарствах и страданиях, о бессонных ночах в татарском полоне...

Наконец, когда он умолк, настоятель сказал:

– Вижу, сын мой, вернулся ты на родную землю с открытой душой. Во младенчестве ты уже был крещён, потому заново тебе креститься не надобно. Но тогда ты веру православную принимал неразумным чадом, теперь же принимаешь её сознательно. А коли сознательно, то вера твоя будет крепка. Иди же, сын мой, потрудись при монастыре. Учи также молитвы, ведь молитва – это тоже труд. И всякое дело, что будет тебе поручено, исполняй с прилежанием.

Но не отбыл Фетиска положенный ему срок в монастыре. И вовсе не потому, что не захотел и сбежал оттуда, а по причине того, что не хватало в крепости Болховце воинских людей. Явился в монастырь через три месяца болховской воевода, попросил настоятеля отпустить Фетиску.

– Осень пережили мы, слава богу, спокойно, без набегов, – говорил воевода. – Известное дело: татарин осенью в гости к нам не ходит, он летом ходит, когда людей в поле много, или зимой, когда река льдом покроется. Теперь вот морозы ударили, и зачастили к нам гололобые. Слободы жгут, людей и скотину с собой уводят. На той неделе на Драгунскую был набег, еле отогнали мы их за Везеницу. После того народ слободской в крепости укрытия ищет, боится новых набегов. И боится не без причины – по прошлым годам знает: в зиму татары на нас тысячами ходят. Так что Фетиска нам об эту пору не помешал бы.

17. СТРЕЛЕЦ ФЕТИС

Только один день побыл Фетиска дома. Наутро велено было ему явиться в крепость – обучаться военному делу. Записали его по просьбе отца в стрельцы.

Через неделю выдал стрелецкий голова Фетиске служилое платье: кафтан малиновый, шапку с таким же верхом, жёлтые сапоги.

– А берендейка где? – спросил Фетиска. – Как у отца да брата Гаврилки.

– Берендейка тебе сейчас ни к чему, – отвечал голова, – пищали-то у тебя нету. Вот как обучишься стрелять, так всё и получишь – и берендейку, и фитиль, и пороховницу.

В том, что из Фетиски выйдет настоящий вояка, не сомневался и стрелецкий голова. Обучался парень всему легко, без принуждения, отличался редкой для своего возраста сообразительностью. Когда десятник впервые дал ему в руки пищаль, он уверенно, словно делал это не однажды, вскинул ружьё на плечо, установил ствол на бердыш.

– Молодец, парень! – похвалил его десятник. – А теперь покажи-ка, силен ли ты в меткости.

Для обучения стрельбе на меткость у крепостной стены был вкопан в землю ряд дубовых кольев, на них была развешена глиняная посуда разных размеров – от самых маленьких горшочков до вместительных пузатых макитр и корчаг.

– Раз ты стрелок ещё неопытный, – сказал десятник, – так давай начнём с макитры.

Он отмерил две дюжины шагов от кольев, воткнул в землю саблю:

– Вот отсюда и пальни.

Фетиска прицелился, пальнул. Макитра разлетелась вдребезги.

– Ишь ты! – похлопал парня по плечу десятник. – Неплохо для первого раза. А теперь пальни-ка вон в тот глечик, что крайний справа.

Крайний справа глечик был самый маленький. Как ни старался Фетиска попасть в него, однако разбил он этот глечик только с третьего раза.

– Тоже неплохо, – снова похвалил его

десятник. – Вижу, стрелок ты будешь что надо.

А вскоре выдал стрелецкий голова Фетиске собственную пищаль, берендейку, пороховницу. И тут же сообщил:

– Воевода тобой интересовался. Велел явиться к нему в конце дня.

Едва переступив порог приказной избы, парень понял: встречают его тут приветливо.

– Сказывают, добрый воин из тебя может получиться, – обратился к нему воевода. – И голова, и десятник в один голос хвалят тебя. Но ты не зазнавайся – мы ещё не видели, каков ты в бою. С завтрашнего дня прямо с утра отправишься в таможенную избу – у них там посыльный захворал. Подменишь его. Какова будет твоя служба – о том тебе расскажет таможенный голова.

18. ОТРАЖЕНИЕ НАБЕГА

Задвинулись засовы на тяжёлых дубовых воротах – Муравских и Болховецких. Одна Везеницкая башня, глядевшая своими бойницами в крымскую сторону, ворота свои пока держала открытыми. Из них выходили стрельцы.

– На вал! На вал, ребяташки! – отдавали команды десятники. – Не пропустим гололобых!

Вслед уходящим стрельцам с крепостной стены раздавались голоса пушкарей:

– А мы ядрышками вам поможем!

К пушкарям определён был и Фетиска.

– Ты, хлопче, с самопалом ещё как следует обходиться не научился, так что будешь пока подсоблять пушкарям. Тут тоже не заскучаешь, – сказали ему.

Дядя Павлин, в помощники к которому попал Фетиска, знал о том, что парень побывал в татарском плену. Улыбнулся, пошутил:

– Ну что? По своим будешь палить?

Фетиска смутился:

– Да какие они мне свои?

– Верно. Чужбина – калина, родина – малина...

И тут вдруг посерьёзней, изменился в лице дядя Павлин:

– А вон и они... – приглушённым голосом произнёс он, указав рукой на заснеженный горизонт. – Гляди, Фетис, сколько их к нам в гости пожаловало...

Преодолеть мощный земляной вал, тянувшийся вдоль берега Везеницы, для татар всегда было непростой задачей. Высота его достигала двух – двух с половиной саженьей – а это чуть ли не три человеческих роста, к тому же с крымской стороны вал был обставлен дубовыми брёвнами (ослоном). Татарская конница не могла сходу вверх по деревянному настилу заскочить на вал. Татары в некоторых местах пытались поджигать брёвна, чтобы сделать вал проходимым, но в этом им мешали русские воины.

Да и подойти к валу татарам удавалось не сразу – сперва им предстояло преодолеть глубокий двухметровый ров, на дне которого были установлены острые дубовые колья (частик). Однако ров был не первым препятствием на пути степных разбойников. Сначала им надо было преодолеть реку. Зимой по льду это можно было сделать без особых трудностей, а вот летом с налёта переправиться на другой берег получалось не всегда. Татарские лошади не боялись водных преград, особенно легко они преодолевали броды, но русские люди были умелы и изобретательны. На дне бродов они устанавливали такие же, как и во рву, острые дубовые колья, а также затапливали в воде брёвна с дубовыми гвоздями. И даже если татарам удавалось преодолеть все эти преграды – реку, рвы, вал – и подойти к самой крепости, то тут их ждал ещё один земляной вал, окружавший город-крепость, а за ним – четырёхметровая дубовая стена с обломом (нависающим над ней деревянным срубом с помостом), на котором находились защитники крепости – пушкاري и стрельцы.

На обламе и стоял сейчас Фетиска рядом с пушкарём дядей Павлином. Тюфяк (так называлась метровая пушка, закреплённая на деревянной колоде) к бою был изготовлен, но команды открывать огонь пока не поступало.

– Огонь! – раздалась наконец команда пушкарского головы. Несколько пушек грянули разом.

– Вот вам и начало! – зло проворчал Павлин. – Маленько продырявили мы вам халаты! Для сквознячку...

Но пушечные удары не остановили татар. Покрытая льдом река также не могла замедлить их стремительный бег. Проруби, приготовленные защитниками крепости, лишь на какое-то время внесли сумятицу в ряды разбойников. С десятков всадников, вместе с лошадьми провалившись в проруби, барахтались в ледяной воде,

но никто даже не пытался им помочь. По ним, как по живым мосткам, скакали их же товарищи...

Приблизившись к глубокому рву – очередному препятствию на своём пути – татары остановились. Мгновенно оценив обстановку, они вдруг резко повернули назад, отступили к реке. Затем, пустив вперёд заводных (запасных) лошадей, подгоняя их плётками, они снова ринулись в атаку. Заводные лошади, падая в ров и нанизываясь на острые дубовые колья, погибали, выстилая собой дорогу скачущим сзади всадникам.

Защитники крепости, заняв оборону в земляных городках (башенках, выдвинутых вперёд, за пределы вала), а также на самом валу, дружными выстрелами пицалей встречали грабителей. Завидев, как несколько татар с вязанками хвороста и факелами стали приближаться к подножию вала, десятник Макар крикнул своим стрельцам:

– Ребята! Не пущай их!

Меткими выстрелами татары были остановлены.

– Молодцы! – перекрикивая шум боя, подбодрил стрельцов десятник. – Молодец, Гаврилка!

И тут же, отозвав в сторону Авдея, сказал:

– Добрый воин из него получится. Гляди только, чтоб он не лез без толку на рожон.

..Стоя на верхотуре Везеницкой башни, воевода Богдан Оладьин внимательно наблюдал за ходом сражения. В руках он держал подзорную трубу. Подарил её воеводе французский инженер Байле, «мастер валового дела», несколько лет назад побывавший здесь во время строительства оборонительной черты.

И вот теперь, смотря в трубу, воевода уже в который раз прокричал:

– Так их, ребятушки, так!

Затем он подозвал к себе посыльного казака, приказал:

– Скачи и передай, чтобы не изрубили их в капусту! А то казачки – они такие. В полон, в полон пущай живых забирают!

Отдав распоряжение, спустился воевода с башни, уселся важно на коня, выехал за ворота крепости – встречать возвращавшихся воинов. Следом за ним выбежали из крепости и укрывавшиеся в ней на случай осады слободские жители.

Домница с Анюткой, увидев среди стрельцов своих – Авдея и Гаврилку, кинулись было обнимать их. А с крепостной стены с завистью глядел на отца и брата Фетиска. Они-то повоевали как следует, а ему не удалось. И теперь вот оставили его до вечера стоять на обламе, глядеть в оба: не ровён час – нагрянут снова татары.

19. ДЕЛО СВЯТОЕ

Однажды воевода отправил Гаврилку с Фетиской в Белгород с письмом, в котором был список находящихся в крымской неволе русских людей из Болхового города. Передали они это письмо воеводе белгородскому, засобирались домой, но остановил их дьяк из приказной избы:

– Погодите, служилые. Велено вам дальше ехать, в Валуйку. Поедете втроём – казак Ермила и вас двое. Отвезёте своё письмо валуйскому воеводе. Осенью из Крымского ханства в Валуйку, в разменный городок, послы явятся, привезут много наших невольников для обмена на своих и на выкуп. Так что и из вашего списка, может статься, кому-то повезёт. Скажу ещё: путь в Валуйку чреват опасностями, потому как стоит город в Диком поле, далеко за чертой. Будьте оглядчивы.

И наутро трое всадников выехали из Белгорода. И ближе к полудню заметили они, как из дальнего оврага неожиданно вынырнули несколько татар.

– Ложись! – приказал Ермила. – Падай в траву вместе с конями!

Упали, притаились в густом ковыле, зажали лошадям ноздри, чтоб не вздумали заржать. Но татары – их тоже было трое – уже заметили урусов...

Однако бой был недолгим – стрелецкие пищали оказались сильнее татарских стрел. Одна только из них попала в плечо Фетиске – кровью пропитался рукав его кафтана.

– Больно, братка? – участливо спросил его Гаврилка. – Давай-ка перевяжу, что ли...

На вопрос брата Фетиска ничего не ответил. Он только молча улыбался.

– А улыбаешься ты чего? – спросил его Ермила. – Чудно: кровь течёт, а у него рот до ушей.

– Так я и хотел, чтобы меня ранило, – ответил Фетиска.

– Как это понимать? – с недоумением поглядел на него Ермила.

– Расскажи ему, – перевязывая брату рану, сказал Гаврилка. Сам-то он знал, почему Фетиске хотелось быть раненым в бою. Братья не раз разговаривали об этом.

– Когда я был в монастыре, – отвечал Фетиска, – там мне один монах – Евпатием его звать – сказал как-то: «То, что ты, Фетис, молитвы легко запоминаешь – хорошо. И что трудной работы не боишься – тоже хорошо. Но есть ещё и третье. Должен ты кровь пролить за землю нашу Русскую». Вот я сегодня впервые и пролил её.

Замолчал Фетиска, радостно улыбнулся.

– Прав твой Евпатий, – согласно кивнул головой казак. – Я вот тоже не раз был раненый и мыслю так. Пролить кровь за землю да за веру отцов своих разве жалко? Это дело святое.

И тут сам на себя подивился Ермила: «И откуда только слова такие возвышенные пришли ко мне? Не иначе как с небес опустились, а мне, простому человеку, осталось только рот открыть да высказать их».

И помчались они по безлюдной степи, отмеряя версту за верстой, в крепость Валуйку. Они знали, что скоро здесь начнут возводить новую – Изюмскую – черту и что Валуйка вместе с такими же разрозненно стоящими в степи крепостями войдёт в эту сплошную оборонительную линию. И станет тогда не такой тревожной жизнь русских людей на южном порубежье Московского государства...

Рисунки Станислава ЧЕРНЯЕВА